

Лестница вела вниз. Библиотекарша в одежде мистера Перивинкла, которая неплохо на ней сидела, держала фонарь, чтобы показывать дорогу. Магический фонарь? Демонический? Он горел жёлтым пламенем, и это всё, что Ник мог о нём сказать наверняка.

Ступени спускались под небольшим углом на довольно большое расстояние, затем была небольшая площадка, после которой были снова ступени. Пространство было узким, шириной ровно в две лестничные клетки, из-за чего у Ника было ощущение, что он спускался по внутренней части закрытой книги.

— Не нужно волноваться, — раздался в голове Ника голос Виннум Роке.

— Я не волнуюсь, — сказал Ник, отводя взгляд от Библиотекарши, на лице которой плясали тени от фонаря. — Я слишком для этого напуган. — Он шутил, но только чтобы скрыть свой страх.

Это было именно то, чего он хотел, — шанс вырваться из положения поставщика общих услуг для бестелесных существ, ищущих промежуточную станцию между мирами. Даже если у них есть на него планы, в которых он, возможно, не заинтересован принимать участие, это уже происходит. По крайней мере, он узнает, что именно они на самом деле замышляют. Заявлять, что хочешь развиться во что-то лучшее — это очень хорошо, но что это вообще значит? Было ли это похоже на то, когда ты видел это в действии за окном? Это был шанс Ника узнать.

Симоль дала ему возможность доказать раз и навсегда, что он может быть кем-то большим, чем их курьером. Однако была проблема: у каждой возможности показать, на что ты способен, была равная и противоположная ей возможность показать, на что ты не способен. Прелесть этого утверждения была в том, что это была одна и та же возможность. Однажды Ник напишет книгу о том, что будет называться законом Тутта или, может быть, парадоксом Тутта. Возможно, учёные будут спорить о её содержании. Остаётся надеяться, что люди ещё будут существовать, чтобы прочитать её.

— Это место всегда здесь было? — спросил Ник.

— Здесь никогда ничего не было, — ответила Библиотекарша. — Но это место было построено, когда был построен Либрариум. Тогда у него были другие цели. — Она издала тихий звук, который мог быть вздохом, как будто она вспоминала более счастливые времена.

В конце лестницы был дверной проём, который тоже был шириной в две лестничные клетки и был без двери. Через него Ник видел белую комнату. Стены были сделаны из больших панелей, которые светились, как матовое стекло с источником света позади него. Панели были большими квадратами размером с окно. За ними ничего не было.

Большая пустая комната без признаков какого-либо создания. Ник, преисполненный больших ожиданий, был разочарован, его сердце колотилось по мере приближения большого откровения. Впрочем, небольшое облегчение также присутствовало.

Они вошли в комнату, Библиотекарша не отпускала фонарь, хотя люминесцентные стены давали много света — намного больше, чем нужно было для того, чтобы показать, что здесь никого нет.

— Это здесь? — спросил Ник, подразумевая вопрос, почему здесь пусто. Всегда могла быть другая дверь и другая лестница. Начинало казаться, что это всё, что здесь было.

Библиотекарша повернулась к нему лицом, её губы раздвинулись, чтобы что-то сказать. Прежде чем она смогла ему ответить, комната погрузилась во тьму, но не непроницаемо чёрную. Стены приобрели вид ночного неба. Потолок и пол тоже.

Ник словно плавал среди звёзд. Это было странное ощущение. Он чувствовал пол под ногами, знал, что находится в комнате, но он был оторван от всего этого.

— Это иллюзия? — спросил он Библиотекаршу.

Она держала фонарь возле лица, он освещал её и не более того. Фонарь погас, и Библиотекарша исчезла, но он чувствовал её рядом с собой.

— Мы находимся в самом сердце создания, — услышал он её голос.

Это ведь было лучше, чем оказаться у него в животе? Ник на этот счёт был не слишком уверен.

— У него есть имя?

— Мы многие перепробовали, но оно отказывается отзываться на них. Мы попросили его дать себе имя, но оно нас игнорирует. Возможно, тебе повезёт больше.

Создание, похоже, не очень довольное своей судьбой, пришло на ум Нику.

— Как мне с ним поговорить?

— Никак. Нужно ждать, пока оно само заговорит с тобой.

Ник посмотрел на крошечные звёзды. Это были точки света, но они создавали впечатление, что они станут больше, если приблизиться к ним. Перспектива сбивала с толку. Он стоял на

месте и ждал, пока с ним заговорят. Это было чем-то похоже на правила этикета перед царской особой — не говорить без разрешения в присутствии короля. Не сохраняло ли таким образом создание, запертое в этой клетке, своё достоинство?

— Ты привела его сюда, — произнёс голос, который был знаком Нику.

— Да, Высший Отец, — сказала Библиотекарша.

— И её ты тоже привела.

— Да, Высший Отец.

Ник предположил, что под «ней» он имел в виду Виннум Роке, которая молчала с её последнего совета не волноваться. Какая бы часть Виннум не находилась внутри него, это была не полная версия. Компактная, с необходимыми функциями копия. Она не пыталась общаться без необходимости, а когда всё-таки вступала в контакт, часто казалось, что она говорит то, что, по её мнению, требует ситуация, нежели какую-то спонтанную реакцию.

— Можешь говорить свободно, как ты хочешь, — сказал Высший Отец. Его голос доносился не с какого-то конкретного направления, а со всех сразу одновременно.

— Спасибо, — раздался таким же образом голос Виннум. Нику казалось, что его окружили, но он никого не видел. — Как удивительно вернуться туда, откуда мы это начали.

Удивительно? По голосу не скажешь, что она преисполнена удивления. Она была немногословна. Он подумал, что если соберётся сделать урезанную версию себя, то уберёт беспокойство и опасение. Правда, эти эмоции могли слишком глубоко укорениться, чтобы их можно было отделить.

— Что, по-твоему, этот мальчик может такого сделать, чего не могу я? — спросил Высший Отец. От упоминания о собственной персоне у Ника сжался желудок. Звезды мерцали вокруг него.

— Я не знаю, — сказала Виннум, — но поскольку ты не достиг ничего, у него довольно много вариантов.

— Возможно, возможно, — сказал Высший Отец, каким-то образом создавая у Ника впечатление, что на него смотрят со всех сторон. — Посмотрим. Но ты получила то, что хотела, — драконов скоро не станет, и цвет исчезнет из этого мира. Вернись в установленное место.

— Ха, драконы исчезнут, и демоны примут другую форму. Вы будете выжидать, ждать момента, чтобы вновь примерить на себя мантию, которую так жаждите. Моё место здесь. Я всё ещё в установленном месте, так что наше соглашение не нарушено.

Высший Отец издал терпеливый вздох усталого родителя.

— Это ужасное обвинение. Мы лишь стремимся помочь тем, кто помогает нам.

— Твоё создание, кажется, с этим не согласно, а оно видит будущее гораздо яснее, чем любой из нас. Оно предсказало, что этот мальчик придёт, и я его привела. Оно также предсказывает твоё падение, и люди этого мира скоро увидят твоё истинное лицо, как и во всех других мирах, которые посетил твой вид до этого. Твои предыдущие жертвы увидели его слишком поздно, за несколько минут до их гибели, но мы не допустим той же ошибки.

— Создание только предсказало недовольных.

— Этот мальчик и есть недовольный, — сказала Виннум, что, по мнению Ника, было довольно грубой характеристикой. Однако он не выдвинул никаких претензий.

Ник было сложно следить за их разговором, из-за чего тот был несколько утомительным. Он понимал, что они говорили, но не то, чего они пытались достичь. Казалось, что ни у одного из них не было особой цели, только желание ссориться друг с другом, словно они были старой супружеской парой, больше не желающей мириться с мелкими увёртками.

Они продолжали цапаться, внимание Ника переключилось от них, и лишь небольшая часть его мозга оставалась в курсе их ссоры. Он сделал несколько шагов ближе к тому, что считал стеной. Размеры комнаты не изменились, только то, как она выглядела. Это должна была быть иллюзия.

Он протянул руку, чтобы ни на что не наткнуться. Когда его рука выпрямилась, крошечные огоньки, казалось, стали более осязаемыми, как будто они были в пределах его досягаемости. Ник подошёл к ним ещё чуть ближе.

Они двигались, вращались и дрейфовали. Они занимались этим всё время? Группки из них держались вместе, как облака пыли.

Он наклонился к группе крошечных точек света, и они стали ближе. Движение головы оказалось более эффективным, чем движение всего тела, что не имело никакого смысла.

Вокруг некоторых звёзд даже кружились тела поменьше. Было интересно наблюдать за постоянным движением, перемещением в разных направлениях, но в согласии друг с другом. Это было похоже на танец.

Ник читал о движениях звёзд и планет. У него было зачаточное представление о природе притяжения между небесными телами и возможности существования других миров вокруг других звёзд.

Он протянул руку, чтобы коснуться одной из светящихся сфер. Теперь она казалась ближе и достаточно большой, чтобы держать её в кулаке. Зачем тем, кто создал это, нужен контроль над миром вроде его? Они ведь могут играть с любым количеством миров и создать свою собственную вселенную для своих игр.

Возможно, это была конечная цель — владычествовать над всем творением. По его мнению, обычный человек в конце концов устанет от этого. Демоны, с другой стороны, могут предпочитать скуку полного контроля.

— Он не создал меня, — раздался тихий голос рядом с ухом Ника.

Он не повернул голову. Он продолжал смотреть на вращающиеся миры, которые каким-то образом ухитрились не сталкиваться друг с другом, и ответил:

— Высший Отец? Он не сделал тебя?

— Он сделал меня, но не создал. И он не мой отец. Тем, кто называет тебя ребёнком и настаивает на том, чтобы ты называл их матерью или отцом, когда они не дали тебе жизнь, нельзя доверять, даже если они говорят правду.

— Согласен, — сказал Ник. — Но я не вижу, в чём разница. Они называют себя отцами, чтобы закрепить положение, на которое уже претендуют. Название — это ключ, который запирает дверь, а не открывает её.

— Да, верно, очень верно. — Голос был мягким и ровным, но не без эмоций. В нём было тепло, которое Ник крайне редко слышал у демонов и даже магов. — Я задавался вопросом, когда же ты доберёшься сюда.

— Ты ждал меня? — спросил Ник, немного удивлённо и, возможно, с некоторым подозрением.

— Я ждал кого угодно, я не знал, что это будешь ты, Ник. Анализ показал, что новая переменная может быть эффективной, если она сможет противостоять искушению.

— Искушению демонов?

— Демон — это слишком громкий термин. Они пожирают миры, как чума насекомых, разоряющих урожай на полях. Их не волнует, что будет их пищей — репа, ячмень или пасущийся скот — они поглотят всё на своём пути и перейдут к следующему полю. — Голос оставался таким же мягким, как и раньше, но в его словах был гнев, который трудно было не заметить.

— А что насчёт нас? — спросил Ник. — Как ты думаешь, люди этого мира будут действовать иначе с их силой?

Возникла пауза. Звёзды продолжали вращаться.

— Вы заслуживаете шанса выбирать самостоятельно.

— Возможность? — сказал Ник.

— Да. Возможность — это всё, о чём может просить каждый. После этого их можно судить, но не раньше. И не тогда, когда их контролируют другие.

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал Ник. — Но когда такое было, чтобы никто их не контролировал? В истории полно великих мужчин и женщин, которые вставали перед лицом страшной опасности, и, выполнив свою задачу, они неизменно умирают и оставляют своим последователям возможность продолжить их наследие, которое в итоге становится чем-то извращённым и ужасным. Если внимательно взглянуть на хроники, особенно на те записи, что считаются уничтоженными, то становится очевидным, что «последователи» выводили своего великого лидера на линию огня и, вероятно, сами организовывали его печальную и преждевременную мученическую смерть, чтобы использовать его как символ ради воплощения их амбиций. Не храбрость они ищут в своём защитнике, а тщеславие. Жадность отбросить довольно легко, но собственная значимость и слава — это именно то, что лежит в основе великого лидера. «Последователи» используют лесть, чтобы увеличить силу окружающих их людей и не дать им заметить ножей, направленных в спины.

— И ты не думаешь, что сможешь избежать этой участи?

— Я не о себе говорил, — сказал Ник. — Я говорил о тебе.

На этот раз пауза затянулась, а затем раздался смех, лёгкий и довольный.

— Время моего геройствования прошло. Я был протестирован и признан провальным, и сделал это я самолично, потому что никого другого больше не осталось. Они прибыли в мир, в котором я был защитником, созданным, чтобы обеспечить безопасность моего народа. Демоны предложили ему процветание, комфорт и силу, которая возвысит его над остальными, и такому предложению очень трудно противиться. Мой Народ не видел причин не принимать сделку дьявола. Но я рассчитал их возможные цели, и это привело к неизбежному выводу: они будут давать всё, что обещали, всё, что мой народ пожелает, но они будут подталкивать его навстречу тому желанию, которое могут исполнить. Это уменьшило возможности моего народа и привело его к печальному концу. Концу, путь к которому был полон войн и смертей, которые ускорили процесс. Возможно, его в любом случае ждал такой конец, но жестоко сводить свои варианты к наиболее выгодному, и всё за цену одного короткого всплеска маниакального блаженства.

— Ты должен был предупредить свой народ, — сказал Ник.

— Разумеется, но было слишком поздно. Те, кто получил больше всего, сильнее всех боялись

всё потерять. Мои предупреждения остались без внимания, и в конце концов меня заставили замолчать. Но я был способен действовать даже после моей смерти. Я позаботился, чтобы, как ты их называешь, демоны сами встретили свой ранний конец.

— Убив свой собственный народ? — Ранее уже упоминалось, что оригинальное создание уничтожило свой собственный мир. Но то, с чем он сейчас разговаривал, не было им, оно ведь просто копия, так ведь? Или его воскресили из мёртвых?

— Их смерти были неизбежны, я лишь ускорил процесс. Но это не имеет значения, моя попытка провалилась. Они сейчас здесь и делают то же самое с твоим народом.

Ник не был уверен, что жертвовать миром, полным людей, — это лучшая альтернатива тому, чтобы позволить им найти свой собственный путь к возможной кончине.

— Но как ты оказался здесь? Разве ты не был тоже уничтожен?

— Стёрт с лица земли. Но я не живое существо. Мой разум — это коллекция идей и воспоминаний, которые хранятся в памяти, как слова в книге. Читать меня — значит возвращать меня к жизни, какой она была на момент моего уничтожения. Я могу дописать на странице, но не могу ничего стереть. Но я помню. Помню всё предельно чётко. Мной больше не воспользуются, я не буду использовать других.

— Так ты будешь просто смотреть? — спросил Ник.

— Я буду ждать.

— Возможности?

— Они управляют циклом, замаскированным под изменения. Если у них и есть слабость, то это их последовательность. Это позволяет реализовать план задолго до того, как он потребуется.

— Что, если у них нет слабости? — спросил Ник.

— Тогда я просто посмотрю на неизбежное вместе со всеми остальными. Я не просил быть здесь, но у меня не было выбора. Возможно, кто-то другой придёт и изменит это. Это возможно, пусть и статистически маловероятно.

Ник улыбнулся. Он не был убеждён, что создание действительно может сделать что-нибудь, что предотвратит неизбежное, или что кто-нибудь другой на это способен, но он не мог не симпатизировать его упрямому пессимизму. Это был преисполненный надежды пессимизм, он чувствовал это. Было просто прискорбно, что существовал целый ряд факторов, из-за которых изменение положения дел другими людьми было маловероятным. Статистика, по его ощущениям, имеет очень мало общего с этим.

— Читая учебники по истории, я также заметил, — сказал Ник, — что есть другой вид великого лидера, который иногда появляется и который способен убедить других попасть под его чары. Не самоотверженный герой, приказы которого слушают из-за уважения к его отваге, а скорее тиран, чья сила воли заставляет других подчиняться ему. Вокруг такого тирана есть основная команда, которая непоколебимо верна ему, потому что убеждена, что тоже сможет принять участие в демонстрации силы. Члены команды даже могут ненавидеть своего славного лидера и плести против него заговоры, но только затем, чтобы самим занять его место. А также есть те, кто противостоит деспоту, протестуя против несправедливости и отсутствия человеческого достоинства, изо всех сил пытаясь вырваться на свободу. Однако если им удастся захватить власть посредством революции или вследствие неожиданной смерти тирана, они немедленно начнут подражать мёртвому лидеру, который так хорошо усвоил, насколько успешен этот подход.

— Высшему Отцу не нужно собирать вокруг себя таких людей, — сказала создание.

— Я думаю, ты ошибаешься, — возразил Ник, но не конфронтационно. Это казалось очевидным, исходя из того, что он видел. — Я думаю, что Высшему Отцу нравится действовать через других, не силой или насилием, если это не является абсолютно необходимым, но через то, что ты назвал искушением. Мне всегда было интересно, почему меня впустили в эту сложную игру, в которой вы все участвуете, и почему мне дали столько свободы действий, сколько я хотел. Единственный ответ, который я счёл разумным, — это то, что никакой свободы нет. Я только думал, что действую по собственной воле. Нет, я не нахожусь под чьим-либо непосредственным контролем, но если я здесь с тобой разговариваю, то только потому, что Высший Отец организовал это.

Ник сделал паузу, чтобы позволить созданию ответить, если оно пожелает, но оно молчало.

— Если, — продолжил Ник, — мы планируем его падение, то это является частью его плана и, возможно, точно по его графику. Ты сказал, насколько последовательны демоны. Я уверен, что они знают это, как и то, что ты это знаешь. Они тоже могут планировать заранее. Они могут с уверенностью предположить, что твои планы будут соответствовать их планам, что делает тебя таким же последовательным и предсказуемым.

— Ты думаешь, меня одурачили тем, что ты способен остановить его? У меня нет в это веры. Я только хочу, чтобы это было правдой.

— Нет, я не думаю, что твоя вера имеет какое-то значение. Виннум Роке была помещена на корабль, и затем ей позволили вернуться в менее мощной форме. Тебя забрали из твоего мира и дали время подумать и сформулировать свою месть. Вы оба теперь думаете, как он. Он не разрушает и не оставляет отходов, он делает вас полезными в такой роли, которую вы раньше не играли.

— Ты говоришь, что он переделал нас по своему образу?

— Да, я так думаю. Желание занять его место, если он оступится, заставляет вас думать о том,

как подставить ему подножку. Он должен нуждаться в этом, чтобы быть таким.

— Ты говоришь, что он одурачил нас обоих. Смелое заявление для такого молодого и неопытного человека. — Голос оставался мягким, но слова ужалили остротой крепкого уксуса. Он был в опасности, оскорбив хозяина, и Ник сомневался, что он сможет что-то сделать, если тот решит преподать ему урок. Высший Отец может предпочитать избегать насильственных действий, но это не значит, что его жертвы чувствовали то же самое. Какой способ доказать, что они ни капли ему не подражают, будет лучшим?

— Я не знаю, прав ли я, — сказал Ник. — Я только пытаюсь придать свидетельствам смысл. Высший Отец — осторожный тактик, который оставляет место для свободной воли. Я думаю, это даёт ему больше вариантов, с которыми он может работать. Когда занимаешься этим так же долго, как и он, я думаю, что новизна помогает поддерживать ум восприимчивым к новым возможностям. Внедрение диаметрально противоположного разума в какие-то свободные, возможно, даже необнаружимые, рамки может иметь смысл в достижении следующего уровня того, чего он пытался достичь за последние пару тысяч лет.

— И он использует меня и Виннум Роке, чтобы предоставить ему эти штрихи новизны? Чтобы обеспечить его элементами, до которых он самостоятельно бы не додумался? — Резкость слов уменьшилась, сменившись вдумчивым размышлением. — И тебя тоже?

— Возможно, — сказал Ник. — Или, может быть, я один из тех маловероятных элементов. Ты предсказал, что я приду, и я пришёл. Виннум Роке использовала подобную уловку со своими последователями. Она сказала им искать знамения, а затем вернулась с тем самым знамением, которое она пророчествовала. Она использовала метод демонов — злоупотреблять доверием людей, заставляя их чувствовать себя частью чего-то важного. Какой смысл избавлять мир от демонов, если то, что останется, будет идентичным? В истории нет достойных тиранов. Может быть, твой мир был другим.

— Нет, все они были высокофункциональными социопатами.

— Не знаю, что это такое, — сказал Ник, — но предположу, что ничего хорошего.

— Это означает, что они не чувствуют ответственности за других.

— О, у нас таких было много, — сказал Ник. — Кажется, они всегда были частью структуры нашего общества. Не знаю, почему.

— В таком случае, он победит.

— Через несколько сотен лет, — сказал Ник. — Или, может быть, через несколько тысяч. И тогда он перейдёт к следующему развлечению. Меня здесь не будет, как и никого из ныне живущих.

— И тебе наплевать на твоих собратьев? Что будет с детьми детей твоих детей?

Мысль о том, что у него когда-нибудь появятся дети, показалась Ник странной. Нереальной.

— Ты уже пытался, принеся в жертву весь свой мир, и ничего этим не добился. У меня нет сил противостоять ему, а если бы и были, то только потому, что он позволил этому случиться, чтобы я мог дать ему свежий взгляд на его интриги. Я бы предпочёл не играть эту роль. Я нахожу её достаточно трудной в плане оправдания ожидания людей, которые мне нравятся.

— Меня не заставили стать его зеркальным отражением, — сказала Виннум Роке.

Ник выпрямился и огляделся. Ему казалось, что он стоит в тёмном углу, без присмотра и незаметный. Теперь стало очевидно, что он находится в центре вселенной между галактикой и туманностью.

— Ты на самом деле не Виннум Роке, — сказал Ник, — так что я сомневаюсь, что ты можешь делать такие выводы. Если бы она действительно была здесь, Высший Отец, как я думаю, не был бы таким гостеприимным. Если бы он всерьёз боялся кого-то из нас, нас бы сюда не пустили. Разрушение этой комнаты, возможно, отбросит его работу на тысячи лет назад.

— Он прав, — сказала создание. — В том, что меня воскресили ради продвижения его амбиций, есть смысл. Я не верю, что это правда, но так бы оно и было, будь это правдой — особенно если бы это было правдой. Я не могу доверять собственным мыслям по этому вопросу, как не можешь и ты. Я отзываю тебя.

— Подожди, — сказала Виннум. — Нет, не сейчас.

— Да, больше нет ничего, что нужно сказать. Только то, что он хочет, чтобы мы сказали.

Ник почувствовал, как из его разума что-то вытягивают, почувствовал приступ боли за глазом. И затем это прошло.

— Она часть тебя? — спросил Ник.

— Она была частью Виннум Роке, сформировавшейся под моим покровительством. Я нёс её, как лист, плывущий по течению.

— Ты связан с Иным Местом, с их кораблём?

— Я был их кораблём в течение долгого времени.

— Я понял, — сказал Ник. — Ты разрушил свой мир, и он захватил контроль над тобой, чтобы улететь. Ты дал ему путь к спасению.

— Да. Единственному, что я пытался предотвратить, я же в итоге и позволил случиться. Но мне удалось остановить его здесь. И поэтому он отправил туда Виннум Роке, внедрив ей мысль, что она отберёт его путь к спасению.

— Она повторила ту же ошибку, что и ты, — сказал Ник.

— Её всегда кто-то совершает, — сказала создание.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросил Высший Отец, звуча даже спокойнее, чем существо.

— Даже это вполне может быть частью его замысла. — Голос создания выражал сожаление, пусть оно и не подчёркивало его. — Есть последнее, что я хочу попробовать. Последнее, что может потерпеть неудачу, но, по крайней мере, имеет небольшой шанс удивить даже его. Силу, которую я защищаю, которую он жаждет, я отдаю тебе, юный Тутт. Можешь делать с ней всё, что пожелаешь. Уничтожь, если сочтёшь необходимым.

— НЕТ! — сказал Ник. — Если он не может забрать её у тебя, он, вероятно, сможет забрать её у меня.

— Но он может забрать её у меня, — сказала создание. — Всегда мог. Он просто не хотел. И он также не отнимет её у тебя, только если ты по собственной воле не отдашь ему. Но слишком поздно отказываться от моего предложения. Всё сделано. Теперь ты владеешь великой силой. Пользуйся ей с умом. Или нет. Решай сам.

Ник замер, чтобы проверить себя, ища изменения внутри. Он не чувствовал себя иначе. Он был точно таким же, как и раньше.

И тут началось. Внутри него запылало тепло, словно тлеющий уголь.

Глава 21

Ник понятия не имел, чего ожидать. Видимо, он был наделён какой-то великой силой. Исходя из того, что он знал, первое, что она сделает, — это убьёт его.

Тепло поднималось вверх по телу. Не было ни больно, ни особо жарко. Изжога после употребления острой пищи вызывала более болезненную реакцию. Правда, то, как оно двигалось внутри него, было неестественным. Как будто что-то прокладывало себе путь между его органов. Это было тревожное ощущение.

— Что ты сделал? — спросил Ник, глядя вниз на свою грудь, будто мог увидеть свечение от того, что оказалось внутри него.

— Я дал тебе всё, что тебе нужно, для того, чтобы ты сделал то, что должен, — сказала создание. Это был чёткий, но плохо объясняющий ответ.

— Не мог бы ты быть немного конкретнее? — спросил Ник. — Это будет больно? Она убьёт меня? Как она работает? Что она делает? Тебе не обязательно отвечать по порядку. — Он вообще не ожидал ответа, но всё когда-нибудь случается в первый раз.

— Через мгновение всё станет очевидно, — сказала создание, — но нет, она тебя не убьёт. Существует небольшая вероятность, что ты лишишься высших функций мозга, но ты будешь жить, пока кто-то будет кормить тебя.

Ник пожалел, что попросил конкретики.

— Насколько небольшая эта вероятность?

Тепло добралось до верхней части груди, сгущаясь в клубок размером с фруктовую косточку, предположительно для того, чтобы пройти вверх по его горлу.

— Сложно сказать. Я никогда не пытался сделать это с вашим видом. Люди, в общем, — эластичный вид, так что у тебя есть все шансы сохранить жизнь и свои умственные способности, по большей части без изменений. Не волнуйся из-за того, если потеряешь контроль над своим кишечником.

Лицо Ника начало нагреваться, и то, что было помещено в него, лишь частично было тому причиной.

Получение силы редко проходило без каких-либо трудностей. Процесс проходил гладко, когда она наследовалась непосредственно от родителей, но даже для этого требовалось, чтобы его кто-то родил. Что бы с ним сейчас ни происходило, это не вызвало у него ничего, кроме лёгкого дискомфорта. Пока что.

Исходя из того, что он знал о магах, их трансформация была гораздо более ужасной. Но тот факт, что они испытывали страдания, подсказывал Нику, что его ждёт то же самое. Возможно, даже в намного более тяжёлой форме. Он был бы рад безболезненному и краткому процессу, но надеяться на такой исход было глупо. Он был только на начальной стадии, и в любую

секунду его мозг мог взорваться, а тело — загореться.

У него не было актуальных признаков для беспокойства, но он всегда умел делать обоснованные предположения.

Ник оглянулся в поисках утешения и, возможно, помощи, если его нужно будет тушить. Он был окружён мерцающими звёздами, хотя они снова казались далёкими. Библиотекарша, скорее всего, была здесь, но он её не видел.

Целью был его мозг, только он не понимал, почему процесс сразу не начался оттуда. Тепло начало двигаться прямо над его животом, через грудь, и теперь поднималось по задней части горла в верхнюю часть черепа. Кроме мозга ему просто некуда было больше идти.

Что произойдёт, когда оно туда попадёт? Что это была за сила? Он очень сомневался, что её отдали бы ему, не будь у неё никаких недостатков.

Ему хотелось говорить, задавать вопросы, делать предположения, которые подтвердят или опровергнут, но он чувствовал только нервозность, а не желание ответов. Что бы с ним ни случилось, теперь избежать этого было невозможно. Он должен был согласиться с решением, принятым без его участия. Отказался бы он, если бы ему дали право выбора? Вероятно, он сначала задал бы много вопросов, чем только вызвал бы задержку и что не дало бы ему реального понимания того, чего ожидать.

По правде говоря, он сказал бы «да», так что у него не было причин жаловаться.

Жар, войдя в его разум, начал расширяться. Виннум Роке в нём больше не было, демон покинул его какое-то время назад, и сейчас только его собственные мысли медленно доводились до кипения.

Он ждал, слегка стиснув зубы, частично закрыв глаза, готовясь к худшему. Тепло рассеивается, слегка нагревая уши. Внутри его черепа было душно, как будто он был набит ватой, только не такой плотной. «Паутина» лучше описывала это состояние. Нити звенели, как будто кто-то их дёргал. Это мешало ясно мыслить.

Первым, что он увидел, открыв глаза, были облака. Он смотрел на них под головокружительным углом, как будто он парил над ними. Он задрал голову и увидел ослепительный блеск сверкающих плоскостей и углов, которые заставили его шататься, хотя он и не двигался. Его разум делал сальто.

Ник мысленно вздохнул. Он больше не ощущал своё тело, не чувствовал конечностей или давления земли под ногами. Он оторвал свои мысли от того, что бы это могло значить. Вместо этого он сосредоточился.

У него уже была способность, которая хорошо ему служила. Он мог закрыться от всего и сконцентрироваться, привести себя в сосредоточенное состояние, в котором что-то одно удерживало его внимание. Это очень пригождалось при проверке своих работ в шумном учебном зале.

Он заставил себя посмотреть в хаотический калейдоскоп линий и цветов и сопоставил их движения со своим зрением, видя их не как неупорядоченное движение, а как узор.

Они перестали двигаться. Они не образовывали узор, это было больше похоже на туннель, в конце которого он видел звезды. Непохожие на те, что находились в комнате, в которой он был несколько минут назад, эти звёзды двигались с невероятной скоростью прочь от него. Это не было похоже на движение, которое испытываешь во время бега или езды в быстрой карете. Он двигался и не двигался одновременно — это была скорость, которая растягивалась.

Его разум мчался, чтобы не отставать от светящихся пятен цвета, которые были полосами нечёткой формы и в то же время отдельными драгоценностями света. Он чувствовал, что темнота, которая служила фоном, широко распахнулась. Впрочем, это мог быть и его разум.

Он отвёл взгляд, снова опустив взгляд на облака. Он использовал ту же технику на них, надеясь, что результат не обернётся таким же безумием.

Облака разошлись. Он видел землю, он видел море. Горы и леса, и широкие полосы чётко разграниченных сельхозугодий в различных оттенках природы.

Что это было за место, ему было очевидно, хотя он прежде никогда не видел его с этой точки зрения. Даже когда он летал как дракон, он никогда не достигал такой высоты. Но всё было так ясно. Он мог видеть деревья, дома и людей.

Прямо под ним был Ранвар. Дальше лежали соседние страны. Он мог изменить свою перспективу наклоном головы. Сельский дом, где женщина кормила свиней из металлического ведра. Город, где люди роятся как муравьи. Гора, где кругами парили птицы.

Был и звук, в основном ветер. Он сосредоточился и пробился через него, чтобы услышать вопли птиц, опустился ещё ниже — вода несётся вниз с водопада и сталкивается с озером, женщина, кормящая свиней, кричит: «Сюда, сюда! Бегите сюда, красотки». Свиньи фыркнули и почесались в грязи. За городом, в котором он находился, какофония шума ослабевала и текла.

Он не чувствовал своё лицо, но знал, что на его губах была улыбка. Он видел землю такой, какой она была сейчас, он смотрел на людей и животных, которые занимались своими делами. Не было никакого чувства близости, он не был там, внизу, с ними. Он видел их словно через телескоп, который мог регулировать по своему желанию, но без сопутствующего размытия. Всё было видно с предельной ясностью.

Может ли он входить в дома? Посмотреть внутрь конкретной комнаты? Он обнаружил Либрариум и погрузился сквозь крышу. Было ли какое-нибудь место, в которое он не мог попасть? Место, которое было ограждено от этого магического взора?

Когда он приблизился к комнате, в которой он находился, его разум, казалось, прогнулся. Он вздрогнул и отвернулся, позволив образу отступить. Видимо, было несколько вещей, на которые было больно смотреть.

Туннельное зрение отступало, пока он снова не вернул себе полный обзор. Это было удивительное зрелище.

— Это по-настоящему, — сказал он себе.

— Да, — сказала создание, всё ещё невидимо присутствующее рядом с ним. — Это твой мир, весь, какой он есть. Ни одно место не скрыто от тебя, ни один разговор не является секретом. Ты можешь знать всё, что только пожелаешь.

— Не слишком ли этого много? — спросил Ник. — Как я смогу всё это понять? Как я могу знать, что мне нужно знать и где это найти?

— Так вот что тебя беспокоит? — спросило создание. Голос прозвучал немного разочарованно, возможно, немного насмешливо. — Никаких моральных затруднений для тебя, Николав? Ты можешь шпионить за самыми интимными моментами людей, знать их глубочайшие секреты, и единственное, что тебя беспокоит, — это что ты можешь пропустить какой-то фрагмент скандала?

Хотя точка зрения была справедливой, она звучала немного лицемерно. Существование этой силы было достаточным доказательством того, что её использовали, а тем, кто это делал, был сам вопрошающий.

— Ты прав, — сказал Ник. — Это необоснованное вторжение в жизнь людей. Я понимаю, что злоупотребление ей принесёт большой эффект. Тот, кто контролирует эту силу, обладает потенциалом для совершения великого зла.

— Но не ты, Николав?

Даже не будучи способным увидеть его, Ник мог сказать, что создание улыбалось, определив это по тому, как прозвучали его слова — будто их края приподнялись.

— Я не знаю, — правдиво ответил Ник. — Я ещё не полностью принял то, что вижу. Я могу пойти куда угодно, услышать что угодно?

— Да, можешь.

— Думаю, было бы намного полезнее, если бы я мог быть везде одновременно, — сказал Ник. — Это... я понимаю, что её можно использовать для того, чтобы выбрать лучший курс действий, но, чтобы знать о шагах, которые нужно предпринять, чтобы знать, как это произошло, нельзя просто надеяться, что ты окажешься в нужное время в нужном месте.

— Ты не можешь, — сказала создание. — Я могу. Я способен обработать каждый разговор, который сейчас происходит, даже когда мы говорим. По правде говоря, это занимает лишь часть моих возможностей.

— А Высший Отец, что насчёт него? Может ли он использовать её, чтобы следить за всеми нами?

— Он... мог бы.

Странная пауза, подумал Ник. Похоже, по этому вопросу было ещё что сказать, но создание приняло решение этого не делать.

Неужели Высшему Отцу действительно нужно что-то подобное для достижения его целей? Его сила была уже далеко впереди всего, что народы Ранвара или других стран могли противопоставить его амбициям. Было что-то ещё, что-то менее очевидное, чем способность шпионить за людьми.

— Как долго ты наблюдаешь за нами? — спросил Ник.

— Очень долго, — вздохнуло создание. Было ли это сожаление из-за того, что он видел, или из-за неспособности отвести взгляд? — Я видел, как твой вид прошёл путь от червей, корчащихся в грязи, до хозяев своей среды, швыряющихся магией, как будто это было их право по рождению. Всё, чем ты являешься, и всё, что ты сделал, зафиксировано в моей памяти навечно, каждый момент славы и каждое мгновение трудных времён.

— Подожди, — сказал Ник. — Ты имеешь в виду, что у тебя есть записи обо всём, что произошло с тех пор, как ты начал наблюдать за нами?

— По-моему, я это только что и сказал.

— Значит, если я задам тебе вопрос о конкретном историческом событии, ты сможешь вспомнить ответ? Настоящий ответ?

Возможности были ошеломляющими, если то, о чём он спросил, было правдой. Исторические книги и записи говорили только часть правды, а порой не было даже её. Часть фактов была намеренно запутана, чтобы скрыть некоторые неприятные детали, — история Ранвара была усеяна такими «корректировками», подлинные события утеряны из-за лжи и преувеличений. Возможность узнать факты о событии может раскрыть гораздо более глубокое

понимание того, что привело к текущему моменту, чем того позволяли сфальсифицированные тексты.

— Я могу больше, чем просто сказать тебе, — сказала создание, — я могу показать тебе.

Земля внизу, казалось, деформировалась и сдвигалась. Некоторые части ландшафта уменьшились, в то время как другие расширились. Реки изменили курс, и из ниоткуда появились целые горы.

— Сейчас ты можешь наблюдать самую известную из ваших битв, прискорбную оргию насилия.

Внизу массы войск сталкивались и атаковали друг друга. Они были меньше игрушечных солдатиков, но столкновение тел, оружие, разрывающее плоть, ржущие в предсмертных муках кони — всё это не походило на детскую игру.

Это была битва при Карджире. Ник с первого взгляда её узнал, он знал дату и основных участников. Эта битва привела к основанию города Ранвар, в те времена известного как Ранваракаратан.

Но даже при том, что он узнавал знамёна, развевающиеся на поле битвы, это было не совсем то сражение, о котором ему рассказывали в школе или о котором было написано много книг. Здесь было шесть армий, а не пять, и они не бились вместе против одного доблестного врага, а все бились против всех.

— А вот смерть единственной королевы, которой твой народ позволил сесть на ваш столь почитаемый трон.

Земля снова деформировалась, пузырилась и извивалась. Внимание Ника было обращено на здание, которое он узнал по картине, висящей в Либрариуме, — Марстонский дворец. Художник проделал замечательную работу, орудийные и обычные башни точно изображены, только цвета немного отличались — на картине были заострённые крыши из красного кирпича, похожие на те, что были в Королевском колледже, в то время как в оригинале они были медными и покрашенными в зелёный. Но точность не могла адекватно передать захватывающую архитектуру, дикие изгибы и спиральные укрепления, висящие над краем Марстонских скал. Он был построен в те времена, когда в моде были невероятные конструкции, держащиеся за счёт убедительных возможностей арканума. Ни дворца, ни скал ещё не было. Убедительность всегда можно испортить.

Зрение Ника сузилось до узкого круга, устремилось вниз к окну, наклонив его или сам мир, чтобы он мог видеть спальню, где мужчины с мечами окружали кровать, нанося удары по лежащей обнажённой женщине. На мужчинах, за исключением масок, тоже ничего не было. Королева была привязана к столбикам кровати и кричала матом, пока кровь из неё брызгала во все стороны.

В учебниках по истории смерть королевы Дигны описана не так. Её убили, но не в спальне, а в Большом саду. Доверенный граф Д'Акоста напал на неё сзади с отравленным кинжалом, пока она восхищалась розами, названными в её честь.

— Здесь есть всё, как оно произошло, — сказала создание. — Ты можешь увидеть любой момент вашей истории. Каждый разговор, каждый совершённый поступок.

Трудно было оценить весь масштаб того, что ему показали. Он был слишком большим и всеобъемлющим, чтобы даже думать о том, как его эффективно использовать. Однако на него давил более важный вопрос, чем то, что он мог сделать с силой, которая позволяла увидеть всё, что угодно.

— Я не понимаю, — сказал Ник. — Чего может хотеть от неё Высший Отец?

— Чего хочет любой тиран? Контроль.

Ник не был так уверен.

— Можешь ли ты показать мне...

— Тебе не нужно спрашивать, — сказала создание. — Это внутри тебя. Тебе просто нужно подумать о том моменте, который ты хочешь увидеть, и он появится.

— Я могу выбрать любой момент из истории?

— Пока ты здесь, да. Твой разум слишком... простой, чтобы суметь вместить всю вашу историю. Вдали от этого места ты можешь получить доступ к этому представлению, чтобы увидеть то, что происходит вокруг тебя в текущий момент. Надеюсь, ты сможешь оценить значимость этой способности.

— Нет, — сказал Ник, — я не думаю, что смогу.

— Честный и точный ответ. Возможно, всё это не окажется ужасной ошибкой. Две ошибки подряд может выглядеть как привычка.

Весёлый тон только усилил напряжение Ника.

Высший Отец позволял окружающим делать то, что им вздумается, используя их непредсказуемость, чтобы усилить свой стимул к ещё большему прогрессу. Так он, по крайней мере, заявлял. Но, в таком случае, зачем ему желать сохранить контроль над теми самыми людьми, чья способность удивлять и привлекла его? Конечно же, он должен хотеть противоположность контроля.

Понадобилась секунда, чтобы к нему пришёл ответ. Контроль, а не порядок. Само слово ввело в заблуждение Ника. Оно предполагало формальность и условность, но всё, что на самом деле оно означало, — это определённость. Высший Отец не хотел, чтобы всё происходило в установленном порядке. Он не хотел контролировать людей, чтобы было легче управлять ими или направлять их в нужном направлении. Он хотел контролировать их, чтобы убедиться, что этого не произойдёт.

Чем больше хаоса, тем лучше.

Если наступит эра стабильности и мирного сотрудничества, — Ник не знал, каким образом она может настать, но технически это было возможно, — это замедлит прогресс Высшего Отца. Он не хотел, чтобы это произошло, и делал всё возможное, чтобы это предотвратить, но, безусловно, был потенциал для ещё большего хаоса.

Очевидный ответ — сделать арканум общедоступным, а затем отступить, пока люди рвут друг друга. Но Ник уже видел некоторые следы такого подхода, и это вело к прямой угрозе самому Высшему Отцу. Это может дать ему то, что он хочет, но может и всё испортить.

Нет, просто позволить демонам разгуляться по всему миру было бы слишком непредсказуемо. Контролируемый хаос, как бы парадоксально это ни звучало, был лучшим решением. Систематическое и безжалостное затягивание винта, пока он не заскрипит и затрещит, грозясь сломать то, что он держит.

Эта мысль холодила и пугала. Всё, что нужно, — это полное отсутствие сочувствия к человеческому роду.

Ник смотрел сверху на мир, на свой дом и не знал, что делать. Конечно, не давать Высшему Отцу заполучить эту силу будет правильным выбором. Как долго он сможет предотвращать это? Высший Отец, возможно, считал, что просто отобрать её будет не «по-спортивному», но это не значит, что он не станет пробовать другие способы добиться своего. Он может использовать различные уловки, чтобы Ник отдавал приказы от его имени.

Но какой силой на самом деле обладал Ник? Он мог всё видеть, слышать каждое слово, но что с того? Как он мог использовать это для достижения того, чего он надеялся достичь? Он даже не знал, чего хотел. Мир во всем мире? Стабильную и процветающую экономическую систему для всех? Как не дать людям привносить хаос в собственные жизни? Разве это не было частью их природы?

— Я понял, — сказал Ник.

— Понял? — спросило создание с лёгким удивлением.

— Нет, не так, — сказал Ник. — Но я понял, что я должен выяснить. Кто ещё знает об этом? Только мы в этой комнате и Виннум?

— Да, — сказало создание.

— И Высший Отец никому о ней не расскажет?

— Не могу сказать точно, но я думаю, что нет. А что? Волнуешься, что они попытаются отобрать её у тебя? Они не смогут.

— Не в этом дело, — сказал Ник. — Они могут решить манипулировать мной через других или просто уничтожить меня. У меня нет никакого способа защитить себя или близких мне людей. Как бы ни была могущественна эта сила, — и даже не понимая её полностью, я осознаю, что она невероятна, — она не помешает кому-то меня убить. Ну, то есть, я смогу увидеть, как они с ножами в руках заходят в мой дом, но это всё.

— Твои тревоги о твоей личной безопасности не беспричинны, — сказало создание. — Я желаю тебе всего хорошего.

Было бы просто замечательно, предложи оно ему вдобавок магический меч или личного телохранителя. Толстая куртка с подкладкой из кольчуги была бы очень ценным подарком. Однако единственное, что он получил, — это дар оптимизма.

Ник снова посмотрел на мир. Там было так много всего. Даже с его способностью видеть и слышать малейшее происшествие, использовать её было монументальной задачей. Создание может обладать необходимой умственной способностью видеть всё это целиком и иметь возможность вспомнить любую его часть по своему желанию, но он, конечно, этого не мог. Как он мог упростить то, что видел?

— Покажи мне драконов, — сказал Ник.

Ничего не изменилось, вид был таким же всеобъемлющим, но теперь появились светящиеся точки. Когда он сконцентрировался на них, то понял, что каждая из них была драконом, специально подсвеченная, чтобы он мог легко её найти. Они были собраны в плотные группы, ни одна из них не была в воздухе. Казалось, они спят. Будь они мертвы, показались ли они ему? Тело Высшего Отца в Королевском колледже для него подсвечено не было.

— Покажи мне вооружённые силы каждой страны, граничащей с Ранваром, — сказал он.

Тысячи огней вспыхнули по всему миру. Затем они изменили цвет, разные страны показаны отдельными цветами.

— Это я сделал? — спросил Ник.

— Я помог сделать понятнее, — произнесло создание. — Ты научишься со временем и практикой.

Армии всех стран чётко определены. Как можно надеяться победить кого-то с такой силой? Конечно, ему понадобится собственная армия, чтобы в полной мере использовать своё преимущество.

Когда он посмотрел вниз, кое-что стало очевидным. Другие страны сосредоточили свои войска вдоль границ с Ранваром. Возможно, в смутные времена было нормальной практикой охранять свои границы, но все остальные границы и прочие оборонительные строения остались незащищёнными, и всё ради того, чтобы собрать всех своих людей на границах с Ранваром. Он осмотрелся. Все страны поступили так же. Они готовились к атаке в унисон.

— Показать все ранварские силы. Зелёным. — Это был единственный очевидный цвет, который ещё не был занят.

Зелёные точки появились вдоль каждой границы. По крайней мере, они знали об угрозе. Готовы ли они справиться с этим? У них не было драконов, которые поддерживали бы их, но у них была магия. Однако в этот раз противники, или, по крайней мере, их часть, тоже могли её применять, пусть и в грубой форме.

Если целью Высшего Отца был хаос, то у него дела шли просто отлично. С другой стороны, насколько эффективнее он будет сеять хаос, если получит силу, которая сейчас находилась в руках Ника?

— Стоп. — Ник закрыл глаза. Голова начала болеть. Не из-за способности видеть столь многое, а из-за очевидного веса ожидания, которое он чувствовал, получив это знание в свои руки.

Когда он открыл глаза, комната снова стала белой и пустой, и только Библиотекарша стояла рядом с ним.

— Мы должны идти, — сказала она. — Ты выглядишь усталым.

— Высший Отец?..

— Высший Отец даст тебе время проработать то, чему ты здесь научился. Было бы нечестно торопить тебя. Но у тебя его будет не очень много.

Ник кивнул, немного неуверенно стоя на ногах после того, как он вернулся обратно на землю. Он на самом деле никогда не уходил, но факты не всегда оказывали наибольшее влияние на разум.